

Елена МАРКОВА

г. Петрозаводск

КЛЮЕВ И ЕСЕНИН

(диалог русских поэтов в свете калевальского сюжета о состязании в пении)

1915 год. Идет Первая мировая война. Но даже колоссальные по своему масштабу катаклизмы не уничтожают все жизненные начала, которые дают о себе знать первым криком младенца, зелеными побегами на полях и звуками новых песен. В 1915 году не одно новое дарование заявило о себе, не одна новая книга вышла в свет. Однако мы остановимся всего на двух фактах: переиздании «Калевалы» и встречи великих русских поэтов Клюева и Есенина.

В 1915 году было осуществлено второе полное издание перевода Л. Бельского «Калевалы», приуроченное к 80-летнему юбилею его канонической версии. Воссозданное Элиасом Лённротом на основе карельских и финских народных песен эпическое творение отозвалось в стихах и статьях многих поэтов Серебряного века. Его просто не могли не заметить Николай Клюев и Сергей Есенин. Они и сами представлялись читающей публике как народные поэты, и она видела в них современных крестьянских певцов и сказителей, которым ведомо таинство истинно русского слова.

Познакомились поэты все в том же 1915 году. Весной Есенин послал письмо «старшему брату»,

находившемуся тогда в Петрограде. Они потянулись друг к другу, да и люди их сводили. Так, полковник Дмитрий Николаевич Ломан, один из ведущих деятелей созданного весной все того же 1915 года под покровительством Царской фамилии «Общества возрождения художественной Руси», начинает готовить поездку «сказителей» в Москву для выступления перед Великой Княгиней Елизаветой Феодоровной. А поэт и художник Владимир Александрович Юнгер приглашает к себе в гости и делает с Клюева и Есенина портретные зарисовки. В хронологической канве жизни и творчества что Николая Клюева, что Сергея Есенина биографами названы многие встречи и упомянуты многие имена, но мы выделим имя в общем-то неизвестного современным читателям Юнгера, потому что он не только любил «Калевалу», но даже сделал перевод 41-й руны, которым предполагалось открыть опять-таки в 1915 году сборник «Краса» одноименного литературного общества.

Руна 41-я посвящена пению главного героя эпоса Вяйнямёйнена, которому внимают земной и небесный миры.

*Даже дочери творенья,
Девы воздуха явились
И, ликуя, восторгались,
Слыша кантеле звучанье;
А одна в небесном своде
Там на радуге уселась,
А на облаке другая,
На краю сияя красном.*

Клюев и Есенин, казалось бы, в своем преобразении фольклорных мотивов шли за Элиасом Лённротом, но прежде всего они мечтали, подобно Вяйнямёйнену, дать народу Новое Слово.

Час настал. Революция 1917 года – это не только колоссальный социальный взрыв, но это и мощный прорыв в поэзии. Если одни «во имя прекрасного Завтра» грозились «сжечь Рафаэля», сбросить с «корабля современности» Пушкина и всех прочих «генералов классики», то крестьянские поэты были уверены в том, что новое слово зиждется на фундаменте мудрых книг, поэтому древние мотивы и образы, в том числе калевальские, просвечивают в тексте и в подтексте их произведений. Николай Клюев в 1918 году писал:

*Мы родим моря, золотые утесы,
Где гаги – слова для ловцов-Калевал.
(«Медный Кит»)*

Образ нового поэта у него проецируется на героев «Калевалы»:

*Я потомок лапландского князя,
Калевалов волхвующий внук...
(«Я потомок лапландского князя...»)*

На интерес Есенина к бессмертному творению Элиаса Лённрота указывает его трактат «Ключи Мари», написанный в том же 1918 году. Здесь он вспоминает и саму книгу, и её главного героя.

Не имея возможности рассматривать «калевальский» комплекс в творчестве обоих поэтов в полном объёме, остановимся на полемике Клюева и Есенина, «учителя и ученика», проецирующейся на калевальский мотив о состязании в пении.

Напомним его. Состязанию молодого певца Ёукахайнена со старцем Вяйнямёйненом посвящена в «Калевале» руна 3-я. Прознав «о могучем пенье старца», молодой Ёукахайнен, несмотря на уговоры матери не мериться силами с «песнопевцем вековечным», направляется в Вяйнёлу. В пути он сталкивается со старцем и вызывает его

на состязание. Вяйнямёйнен не только побеждает, но и силой слова едва не убивает соперника. Последнего спасает обещание выдать за песнопевца свою сестру Айно.

Разумеется, ни старший Клюев, ни молодой Есенин не повторяют древний сюжет, но на архетипическом уровне их творений, безусловно, ощущается опора на калевальские образы и мотивы. У Клюева в этой связи следует выделить: цикл «Поэту Сергею Есенину» (1916–1918), в который вошли стихи «Оттого в глазах моих просинь», «Изба – святилище земли», «Ёлушка-сестрица», «Бумажный ад поглотит вас»; стихотворение «В степи чумацкая зола» (1921), поэма «Четвертый Рим» (1922), соответственно у Есенина: стихотворения «О Русь, взмахни крылами» (1917), «Теперь любовь моя не та» (1918), «На Кавказе» (1924). Разумеется, полемика пронизывает многие сочинения поэтов, но в этих произведениях участники спора названы по имени. У Клюева реконструкция элементов названного сюжета производится на материале эпических произведений (поэм и эпизированного цикла), у Есенина – на материале лирических текстов с эпическим подтекстом (находим подобную характеристику его лирики уместной, поскольку основа его произведений, что не раз было доказано исследователями, имеет корни, уходящие в глубину времен Древней Руси и мировой культуры).

В «Калевале» пеньё «вековечного песнопевца» – особое, сакральное. Именно он своим словом обустроил земной мир. Словом он также может загубить неугодного, о чем и предупреждают юного Ёукахайнена родители:

*«Нет, тебя там (в Вяйнёле. – Е.М.) околдуют,
Околдуят и оставят
Голову твою в сугробе,
Эту руку на морозе,
Чтоб рукой не смог ты двинуть
И ногой ступить не смог бы».
(«Калевала»)*

У Есенина в стихотворении «О Русь, взмахни крылами» Клюев, подобно Вяйнямёйнену, также является с Севера – «с снегов и ветра». Он, как и древний собрат, знаменит: «...весь в резьбе молвы». И, безусловно, Есениным подчеркнута его претензия на святость: «...Из монастырских врат, Идет одетый светом». Правда, одический портрет дан не без легкой усмешки: «И тихо сходит пасха С бескудрой головы».

Как и в «Калевале», герои встречаются на тропе. Ёукахайнен в момент столкновения характе-

ризуется как «юный, буйный». Самохарактеристика Есенина почти тождественна: «Кудрявый и весёлый, Такой разбойный я».

В ответ на вызов Ёукахайнена Вяйнямёйнен нарочито скрывается за маской простака:

*«Что ж, певец я безыскусный,
Песнопевец неизвестный.
Жизнь я прожил одиноко
По краям родного поля,
Посреди полян родимых
Слышал там одну кукушку».*

(«Калевала»)

Похоже звучит и обращение Клюева к «Серёже» в цикле «Поэту Сергею Есенину»: «Пусть я некрасивый, Хворый и плешивый». Его место «в углу, за печью», где, однако, он не кукушку слышит, а Слово Бога: «Чародейной речью Шепчется Оно», поверяя поэту свою тайну. («Оно» здесь означает Божье Слово.)

Однако вышедшего на бой Есенина никакими предупреждениями не остановить. У него, как у эпического предка, в арсенале камень и нож. Действительно, Ёукахайнен убежден, что сможет любого посрамить своим пенъем – «обуть в камень»:

*«Наложу на грудь каменьев,
На спину дугу из камня,
Дам из камня рукавицы,
Шлемом каменным покрою!»*

(«Калевала»)

Герой лирического стихотворения, разумеется, говорит короче. Да, он знает, что старший собрат слышит Его. Но и он не промах: ведет «...с тайной Бога ... тайно спор». Настолько не боится небес, что сшибает «камнем месяц» («О Русь, взмахни крылами»).

Эти наблюдения были бы беспочвенны, если бы не соотносились с главной проблемой спора: о роли Слова в сотворении, преображении и познании мира. Сюжет о состязании в пении, как известно, относится к группе сюжетов о мироздании.

Певец Новой Руси, полагали поэты Серебряного века, должен нести Новое Слово. У Клюева оно зиждется на фундаменте вечных ценностей, заложенном в Древней Руси христианской. У ратовавшего за имажинизм Есенина крестьянская лира приобретает современное звучание, в которой не было места мукам распятия, хотя сам образ Христа поэтом не отрицался. О сущности спора писали не раз и не раз еще напишут. Для

нас важно, что оба поэта в качестве аргументов использовали мотивы и образы древних книг, принадлежащих другим народам. В их числе была и «Калевала».

Насколько значима была она для Есенина, говорит то, что ее образы он относит к числу ангелических. Значение этого понятия он раскрывает в трактате «Ключи Марии» (в авторской сноске помечено: «Мария на языке хлыстов шелапутского толка означает душу»). Итак, Есенин особо выделяет «ангелический образ», на котором построены почти все мифы и который «пронзает устремление всех народов в их лучших произведениях, как «Илиада», Эдда, Калевала (*не закавычивает название, так как считает книгу неавторской. – Е.М.*), «Слово о полку Игореве», Веды, Библия и др.». В ангелическом образе «струение являет из лика один или несколько новых ликов, где и зубы Суламифи без всяких как, стирая всякое сходство с зубами, становятся настоящими живыми, сбжавшими с гор Галаада козами». Есенин в творчестве Клюева советского периода не видит этих «живых коз», хотя в своих «ответах» (и не только «ответах») тот акцентирует свое мастерство в построении «ангелических образов».

*На закате плещут тюлени,
Загляделся в озеро чум...
Златороги мои олени –
Табуны напевов и дум.*

(«Оттого в глазах моих просинь»,
из цикла «Поэту Сергею Есенину»)

Однако вернемся к состязанию певцов в «Калевале». Итак, Ёукахайнен излагает свое представление об устройстве мира, что нисколько не удивляет Вяйнямёйнена. Тогда молодой певец решил слукавить и заявить свои права на роль демиурга, который сотворил землю и «Солнце светлое поставил, Вширь Медведицу раздвинул И рассыпал звезды в небе» («Калевала»).

Есенин в унисон задиристому предку вторит: «Из трав мы (*он и его союзники. – Е.М.*) вяжем книги, Слова трясем с двух пол. ... На каменное темя Несём мы звездный шум» («О Русь, взмахни крылами»). Эти слова преобразуют воспрянувшую Русь.

Вяйнямёйнену, сыну девы воздуха и матери воды Ильматар, во чреве дано было знание об устройстве Космоса, потому-то по рождении он взял на себя миссию демиурга и культурного героя, продолжившего космогонические деяния матери. Поэтому он гневно опровергает Ёукахайнена: «Тот не видел и не слышал, Кто тогда

всю землю создал, Заключил в границы воз-
дух...» («Калевала»).

В отличие от «вещего песнопевца», Клюев полагает, что его младшему брату изначально даны как познание мира (ибо талант его от Бога: «Даль повыслала отрока вербного»), так и возможность его преобразования:

«Не ты ль, мой брат, жених и сын,
Укажешь путь к преображенью?»

Но «сын» изменил избе – питательнице «слов», поэтому теперь от него сокрыто «сокровенное» – «От звезд до луковой травы» («Поэту Сергею Есенину»).

Поняв, что проиграл, Ёукахайнен предлагает «мериться мечами», чему в стихотворении Есенина соответствуют строки:

*И на немую дрожь
Бросаю, в небо свесясь,
Из голенища нож.*

(«О Русь, взмахни крылами»)

В ответ на отказ Вяйнямйнена сразиться молодой соперник угрожает, что уложит его «в невозможной куче». У Есенина этим угрозам созвучно утверждение, в котором он, наоборот, обещает другу очистить его и ему подобных от пыли веков: «...смыла, стерла дёготь Воспрянувшая Русь». Завершая стихотворение «О Русь, взмахни крылами» образом взлетающей стаи, Есенин не видит в ней Клюева. Этот же «приговор» он повторяет в стихотворении «Теперь любовь моя не та»:

*Тебе о солнце не пропеть,
В окошко не увидеть рая.
Так мельница, крылом махая,
С земли не может улететь.*

Мельница тождественна калевальскому образу Сампо, которое упирается «корнями» в землю и имеет «крышку пёструю» (небосвод), таким образом символизируя Космос. Именно Сампо дарует благополучие человеческому роду. Но если в «Калевале» разбитое в битве Сампо по силам восстановить Вяйнямйнену, то клюевская поэтическая мельница, считает молодой поэт, работает вхолостую.

В ответ на выпады Ёукахайнена Вяйнямйнен весьма своеобразно доказал, что он сотворил мир. Он запел, и вещи соперника повиновались старцу, развоплотились, вновь стали частями природного мира («он запел, и разрослися На дуге лапландца ветки...»). Желание заносчивого соперника «обуть» старца в камень обернулось

против него: «Конь лапландца белолобый Стал скалой у водопада. ... Тупомордая собака Валуном огромным стала». Сам он «И поднять ноги не может; Повернуть другую хочет – Но она обута в камень». По мере пения Вяйнямйнена его незадачливый соперник все глубже и глубже погружается в болото.

У Клюева в цикле «Поэту Сергею Есенину» «бумажный ад», «чернильный ад» поглотит друга и его совратителей, а в стихотворении «В степи чумацкая зола» функцию болота выполняет «мыловарный котёл», из которого «не выловить жемчужин». Не сродни ли клюевские жемчужины слезам Вяйнямйнена, которые исторгли из глаз его звуки кантеле. Падая в море, они превращаются в чудесные жемчужины, их вылавливает утка (Ср.: у Клюева в стихотворении «Что ты, нивушка, чернёшенька» слезы матери – «жито алмазное – На пролёте склевала кукушица»).

Слова же молодого рязанца оборачиваются в «есенинское лихо. Оно, как стая воронят С нечистым граем, жадным зобом...» («В сеупи чумацкая зола»). В поэме «Четвертый Рим» целостный образ бывшего «вербного отрока», подобно Ёукахайнену, распадается на детали-вещи: «цилиндр» и «лаковые башмаки». В «хмару и кал» погружается их носитель.

Отличие заключается в том, что не старший, как в «Калевале», наказывает младшего, а тот губит себя сам, предав друга и избяную Русь. У Клюева образ избы подобен Космосу. В ответ на есенинское: «Ты сердце выпеснил избе, Но в сердце дома не построил» («Теперь любовь моя не та») – он заявляет, что

*...сердце его – «изба, брёвна сцеплены в лапу,
Там горница – ангелов пир,
И точат иконы рублёвскую вапу,
Молитв молоко и влюбленности сыр».*

(«Четвертый Рим»)

Если в «Калевале» старец способен убить соперника, то у Клюева, наоборот, в стихотворении «Ёлушка-сестрица» (цикл «Поэту Сергею Есенину») младший убивает старшего. Он, коварный, предстает в ипостаси Годунова, а его собрат по перу – в роли жертвы – младенца Димитрия. Мотив коварства присутствует и в «Калевале». Ёукахайнен таки улучил момент, когда Вяйнямйнен переправлялся через реку. Выпущенная им стрела попадает в коня старца. Сильный ветер уносит Вяйнямйнена в открытое море. Его спас орел и отнёс на мыс далекой страны Похьёлы,

где «ивняк плохой» да «густая крушина» («Калевала», руна 7-я).

Не переключается ли описание места – «сосновой лысины у взморья», куда занесло «певчего коня» Ключева, с описанием Похьёлы?..

Но не орёл, а Георгий Победоносец, воплотившись в старшего брата-поэта, спасает младшего, который в цикле сравнивается с древним рязанским богатырем Евпатием Коловратом.

*Уж преисподняя из строк
Трепещет хвойного Егорья.
Он возгремит, как Божья рать,
Готовя ворогу расплату,
Чтоб в книжном пламени не дать
Сгореть родному Коловрату.*

Евпатий Коловрат зимой 1237–1238 гг. нанес поражение монголо-татарам во Владимиро-Суздальской земле. В ключевском цикле историческое событие воспринимается как христианский поход против бесовских сил, Евпатий Коловрат победил мечом, они, Ключев и Есенин, должны победить словом, чтобы вечной была Россия как подлинно духовная держава, с благодарностью вспоминающая своих поэтов:

*... .. В живых веках
Заколосится наше семя,
И вспомнит нас младое племя
На песнотворческих пирах!
(«В степи чумацкая зола»)*

На пиру, как известно, пел о прекрасном будущем своего народа и Вяйнямёйнен:

*Ты позволь всегда, всевышний,
Ты позволь, благой создатель,
Слышать рог лесного царства.
Слышать дудочку лесную
На дворе, пространстве малом,
На жилых местечках узких!*

*Целый день пускай играют,
Вечерком пусть веселятся
На холмах и на полянах,
На больших пространствах Суоми,
Меж растущей молодежью,
В подрастающем народе.*

(«Калевала», 46-я руна)

*При оформлении использованы
наброски портретов
Н. Ключева и С. Есенина
художника В.А.Юнгера*

Елена Ивановна МАРКОВА

в 1970 году окончила Петрозаводский университет.

*Завсектором литературы и фольклора Института языка,
литературы и истории Карельского научного центра РАН.*

Доктор филологических наук.

Автор более 145 научных трудов, в том числе 8 книг.

Член Союза писателей России.

Член концертных деятелей России.

Лауреат премии Республики Карелия

*в области культуры, искусства и литературы,
заслуженный деятель науки Республики Карелия.*

